

фрагменты, с которыми аудитория солидарна — в среднем, 2–3 раза за одну речь). Например, следующий фрагмент выступления В. В. Жириновского: «*При монополии нет развития, монополия все рушит. Долой монополию! (Аплодисменты.)*» (ГДРФ, 16.09.2009 г.).

Следует отметить, что в некоторых случаях аплодисменты сопровождают речь оратора на всем ее протяжении (см., например, стенограмму пленарного заседания Государственной Думы от 8 мая 2008 г., посвященного избранию В. В. Путина на должность Председателя Правительства, в которой кандидату аплодировали 34 раза!).

При этом любопытно, что аплодисменты могут маркировать как положительно оцениваемые аудиторией фрагменты выступления, так и свидетельствовать о том, что оратор совершил какую-либо оплошность (в последнем случае анализируемая коммуникативная реакция зачастую сопровождается смехом аудитории). Ср. следующий фрагмент парламентского заседания, в котором предложение представителя фракции КПрФ запретить Либерально-демократическую партию провоцирует смех и аплодисменты аудитории, а также критическую реплику спикера:

Куликов О. А.: <...> *А господам Жириновскому и Абельцеву хочу напомнить, что организаторами «оранжевого» антигосударственного путча в Молдавии была Либерально-демократическая партия Молдавии Влада Филата. Видимо, вандализм, мародерство, антикоммунизм и антисоветизм являются базовыми ценностями этих партий. Прошу рассмотреть вопрос о запрете Либерально-демократической партии... (Смех в зале, аплодисменты.)*

Председательствующий: *Называется, договорились* (ГДРФ, 08.04.2009 г.).

Таким образом, аплодисменты в русскоязычных парламентских дебатах задействованы прежде всего в ситуациях приветствия, поздравления позитивной и негативной оценки. В отличие от британских политиков, российские парламентарии зачастую ориентируются не на риторические приемы-приглашения поаплодировать, а на эксплицитные указания спикера, что свидетельствует об определенной кросс-культурной специфике данной разновидности невербальных коммуникативных реакций.

О ВОЗМОЖНОСТИ АНАЛИЗА ФАТИЧЕСКИХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ НА ОСНОВАНИИ ЭПИДИГМАТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Д. Н. ШМЕЛЁВА

Стахнова О. В., Минский государственный лингвистический университет

В работе «Проблемы семантического анализа лексики» Д. Н. Шмелёв предложил обогатить понятия парадигматики и синтагматики введением «третьего измерения», относящегося к деривационным связям слов и получившего у него название эпидигматика. Последняя отражает способность слова, благодаря словообразованию и процессам его семантического развития, входить одновременно в разные лексико-семантические парадигмы и демонстрировать таким образом помимо синтагматических и чисто парадигматических еще и эпидигматические связи.

Д. Н. Шмелёв выделяет два типа эпидигматических отношений: формальные и семантические. Первые выражаются в систематическом образовании различных дериватов в зависимости от парадигматической и синтагматической обусловленности. Вторые проявляются на линии смысловых ассоциаций, возникающих у носителей языка. Эти ассоциации связаны с представлением о материальной действительности. На основе этих ассоциаций значения лексических единиц транспонируются, реализуя свои семантико-деривационные потенции. При этом производное значение мотивировано первичным.

Подходу Д. Н. Шмелёва можно придать более широкий смысл и применить его к сфере речевых актов (РА). С РА непосредственно связана вторая разновидность эпидигматических отношений — семантические, так как в основе образования вторичных смыслов у единиц этого уровня лежит механизм ассоциаций.

Число возможных вторичных значений в рамках одного РА не безгранично. Как отмечает У. Эко, налицо только перечень строго предопределённых и обусловленных вариантов. Так, в односоставных РА, состоящих из имени собственного или обозначения родственных связей, могут быть вложены разные вторичные смыслы, но в то же время их число ограничено. Такой РА может быть способом прервать говорящего [Стоп, хватит, прекрати]. Основываясь на концепции доминанты, предложенной Р. О. Якобсоном, следует отметить, что вторичный (фатический) смысл сопровождается положительной/отрицательной эмоциональной окраской, т. е. фатическая функция является доминирующей, а эмотивная — подчинена ей.

Например, [Стоп, хватит, прекрати] + положительная эмоциональная окраска:

(1). *Elvira. No quiero que me hables así de él. Ya verás cómo llega muy lejos. ¡Qué importa que no tenga dinero! ¿Para qué quiere mi papáito un yerno rico?*

Don Manuel. ¡Hija!

(2). *Fernando, hijo. De acuerdo. Pero ahora me vas a decir por qué no has venido estos días. (Ella consigue bajar unos peldaños más. Él la retiene y la sujeta contra la barrandilla.)*

Carmina, hija. ¡Fernando!

[Стоп, хватит, прекрати] + отрицательная эмоциональная окраска:

(3). *Rosa. ¿Y a ti qué te importa? ¿Me meto yo en tus asuntos? ¿Me meto en si rondas a Fulanita o te soplan a Menganita? Más vale cargar con Pepe, que querer cargar con quien no quiere a nadie...*

Urbano. ¡Rosa!

(4). *Elvira. ¡A mí nunca me has querido! Te casaste por el dinero de papá.*

Fernando. ¡Elvira!

Elvira. Y, sin embargo, valgo mucho más que ella.

(5). *Elvira. Y tú debías ser el primero en prohibírselo, en vez de alargarle con esas blanduras impropiedades.*

Fernando. ¡Elvira!

Elvira. ¡Impropiedades!

В приведённых примерах РА, обозначающие степень родства *¡Hija!*, имена собственные *¡Fernando!*, *¡Rosa!*, *¡Elvira!* идентичны по своей структуре и первичному значению. Основанием для обнаружения вторичного

смысла и его интерпретации как [Стоп, хватит, прекрати] с той или иной эмоциональной окраской служит реплика адресанта сообщения, задающая тональность разговора.

Разновидностью отрицательного эмоционального оттенка, сопровождающего косвенную просьбу адресата прервать сообщение адресанта, является обида:

(6). Trini. *(Con mansedumbre.) Urbano tiene razón... Que no se meta conmigo.*

Rosa. *Cállate tú, mosquita muerta!*

Trini. *(Dolida.) ¡Rosa!*

(7). Elvira. *< ... >¿Cuándo vas a decidirte a ganar más dinero? Ya ves que así no podemos vivir. (Pausa.) ¡Claro, el señor contaba con el suegro! Pues el suegro se acabó, hijo. Y no se te acabe la mujer, no sé por qué.*

Fernando. *¡Elvira!*

Односоставной РА, состоящий из имени собственного или обозначения родственных связей, может также содержать смысл [спасибо, благодарю]:

(8). Secor Juan. *(Turbado.) Escucha. Ahí dentro tengo unos durillos... Unos durillos ahorrados del café y de las copas...*

Trini. *¡Padre!*

РА подобного типа могут использоваться для выражения согласия:

(9). Carmina. *(Que le ha escuchado extasiada.) ¡Que felices somos!*

Fernando. *¡Carmina!*

[Bueno Vallejo A. Historia de una escalera].

Таким образом, количество вторичных смыслов подобных РА ограничено. Их правильная интерпретация зависит от реплики адресанта. Кроме того, фатический потенциал подобных РА обнаруживается лишь в репликах-реакциях.

МЕНТАЛЬНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ АДЕКВАТНОСТЬ ВОСПРИЯТИЯ

Тарасевич Н. А., Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина

Системная организация словарного состава языка на сегодняшний день ни у кого не вызывает сомнения. Этот факт подтверждается наличием множества классификаций, которые отражают взаимозависимость и взаимовлияние лексических единиц. Достижения когнитивного исследования в области лингвистики проявились в возможности выделения ментального словаря как одного из важнейших компонентов языковой картины мира. Ментальный лексикон может быть противопоставлен так называемому «объективному» лексикону, т. е. зафиксированному в лексикографических источниках словарному составу языка. Ментальный лексикон — сложное образование, которое включает в себя знания о фонологических структурах, синтаксических структурах, концептуальных структурах, имеющих также не элементарное строение. Но важнейшей характеристикой ментального лексикона являются лексикализированные концептуальные структуры, поскольку слова без значения смысла не имеют.